

Смахтина Марина Викторовна

**ТРУДОВАЯ ЭТИКА РОССИЙСКОГО ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА В XIX ВЕКЕ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ И ФИЗИЧЕСКОМ ТРУДЕ (ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ
ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И МЕМУАРИСТИКЕ)**

В России из-за неразвитости собственной конфессиональной экономической традиции – православной мирской трудовой этики – в XIX в. получили распространение западноевропейский мировоззренческий и экономический рационализм и прагматизм как элементы западноевропейской культуры. В статье на основании анализа мемуаров и беллетристики рассматривается такой аспект трудовой этики российского поместного дворянства как сословные представления об интеллектуальном и физическом труде и динамика их изменений в течение XIX в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/45.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 180-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 929.733

Исторические науки и археология

В России из-за неразвитости собственной конфессиональной экономической традиции – православной мирской трудовой этики – в XIX в. получили распространение западноевропейский мировоззренческий и экономический рационализм и прагматизм как элементы западноевропейской культуры. В статье на основании анализа мемуаров и беллетристики рассматривается такой аспект трудовой этики российского помещичьего дворянства как сословные представления об интеллектуальном и физическом труде и динамика их изменений в течение XIX в.

Ключевые слова и фразы: православная экономическая традиция рационального ведения хозяйства; российское помещичье дворянство в XIX веке; организационно-хозяйственная деятельность в поместье; светская трудовая этика; представления об интеллектуальном и физическом труде.

Смахтина Марина Викторовна, к.и.н.

Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов (ИИЯ РУДН)

marinaya_sm@mail.ru

**ТРУДОВАЯ ЭТИКА РОССИЙСКОГО ПОМЕЩИЧЬЕГО ДВОРЯНСТВА В XIX ВЕКЕ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ И ФИЗИЧЕСКОМ ТРУДЕ
(ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И МЕМУАРИСТИКЕ)©**

Следует отметить, что в России до заимствования западноевропейского мировоззренческого и экономического рационализма была выработана собственная конфессиональная экономическая традиция рационального ведения хозяйства – православная мирская трудовая этика [1, с. 703, 706; 13, с. 58, 69, 80-81; 14, с. 9; 15, с. 20-21]. В России существовал иной, отличный от Западной Европы, тип хозяйственного менталитета. Однако православная традиция хозяйствования не сложилась как законченная [1, с. 706-707] и была забыта к XIX в. Из-за подавления церковной жизни, полного подчинения духовного светскому, невозможности нормально развиваться для Православной Церкви в эпоху Петра I возможность национального, самобытного экономического развития была утрачена для России. Православие слабо влияло на «экономическое творчество русского народа».

Следует отметить, что, хотя православная традиция хозяйствования не способствовала развитию хозяйственной этики и экономического рационализма в православном мирском обществе, вместе с тем в отношении такого явления, как экономический рационализм, не было и резкого неприятия. Православие не стало фактором сдерживания развития хозяйства, что сделало возможным восприятие западной культуры и стиля жизни, базирующихся на рациональной основе. Появляющиеся новые западные идеи как в области культуры, общественно-политической мысли, так и в области экономики, правильного ведения хозяйства и дела принимались элитой общества и развивались в дальнейшем на российской почве.

Активно формирующиеся во второй половине XIX в. капиталистические отношения требовали новой идеологии – рациональной хозяйственной этики. Трудовую этику в виде западной экономической традиции пытались заимствовать из Европы и распространить ее в среде дворянства через массовую нормативную литературу, которой являлись этикетные издания, прежде всего, через английскую нормативную традицию. Во французской этикетной традиции, культивировавшей рафинированность и роскошь, трудолюбие не являлось характерной добродетелью.

Этикетные издания нашли спрос среди российского дворянства, которое во второй половине XIX в. активно вовлекалось в погоню за прибылью; при содействии дворян основывались общества, открывались заводы, хотя участие дворян в обществах не было основополагающим. На смену рыцарскому этосу в эпоху капитализма и власти денег в России приходит буржуазный этос: людям благородного происхождения было уже нестыдно заниматься предпринимательством, приносящим значительные доходы. (В первой половине XIX в. в дворянской среде господствовало пренебрежительное отношение к любой деятельности, направленной на приобретение, прежде всего к торговле и промышленности, для дворян были характерны роскошный образ жизни, мотовство и расточительность по отношению ко времени, как это предписывал кодекс чести благородного человека). Этикет же был призван пропагандировать новую культуру с ее главной добродетелью – трудолюбием.

Следует отметить, что экономический рационализм и прагматизм в России являлись результатом опосредованного влияния протестантизма и были заимствованы как элемент западноевропейской культуры. Об этом свидетельствует вся государственная политика, начиная от Петра I по внедрению европеизации во все сферы жизни. Западная этика труда и сама концепция трудолюбия была воспринята передовым дворянством в России через идеалы Просвещения.

Рассмотрим теперь такие аспекты трудовой этики российского помещичьего дворянства, как представления об интеллектуальном и физическом труде на основании анализа мемуаров и беллетристики, и выявим динамику изменений представлений в течение XIX в., если она имела место быть.

1. Интеллектуальная деятельность (в том числе и служба), духовный труд

Согласно «формальным признакам благородства», по крайней мере, в XVIII в., джентльмен-землевладелец не должен зарабатывать деньги, заниматься чем-то профессионально, поэтому «серьезные занятия маскируются под “хобби”». Ситуация меняется в XIX в., когда представителям благородного сословия приходится работать. Однако английский джентльмен мог профессионально браться только за солидные занятия, среди которых – управление государством, дипломатическая служба, религиозное служение, военная карьера и спорт. Коммерческая деятельность исключалась [3, с. 169, 171, 231, 309, 379].

Это замечание относится и к российскому дворянству, за исключением религиозного служения и спорта. Традиционно в российском дворянском обществе предпочтение отдавалось интеллектуальному, духовному труду, благородным занятиям, например, занятиям наукой или литературой [27, с. 234], государственной деятельности, которые были закреплены за дворянством как престижные виды деятельности.

При этом в дворянской среде к таким профессиям, как литератор, художник, актер, музыкант, учитель и т.д., в дореформенный период относились негативно, они не считались дворянским делом. Дворянин мог заниматься любым видом искусства, но только на дилетантском уровне, заполняя свой досуг хобби и «для общества», осуществляя благотворительную деятельность. Превращать же свое дарование в профессию, зарабатывать им на жизнь было позором, бесчестьем, которое падало на голову не только дворянина, но и его семьи [8, с. 71-72, 95; 28, с. 220, 222].

С ростом профессионализации в ходе модернизации к концу XIX в. произошло изменение восприятия в среде дворянства творческих профессий, с помощью которых можно было зарабатывать себе на хлеб. В результате обезземеливания и оскудения дворяне вынуждены были искать оплачиваемые должности. Некоторые выходцы из дворянских семей хотели следовать призванию. Профессиональная специализация независимо от сословной принадлежности свидетельствует о размывании границ между сословиями, а появление профессиональных групп характерно для модернизирующегося общества.

В качестве возможных, вполне приличных профессий рассматривались интеллектуальные, творческие, а также предпринимательская деятельность (занятие торговлей, промышленностью). При этом интеллектуальный труд стоял намного выше не только физического труда, но и «стремления к развитию производства и творческой инициативы» в экономике, что неизменно определялось как «буржуизм», «стремление к наживе» [1, с. 707].

Уже в середине XIX в. в среде делового столичного дворянства такие творческие профессии, как литератор, художник, учитель, музыкант считались нормальными видами деятельности, за которые не грех было получать деньги [9, с. 71]. Положительная оценка этой деятельности поместным дворянством могла быть также связана с тем, что для сословия самоценны были не деньги, а слава; профессия оценивалась как благородное, высокое поприще [2, с. 133, 189; 27, с. 130]. К ученой карьере сословие всегда относилось с уважением. Средне- и мелкопоместные дворяне, испытывая экономические трудности, шли в науку. Престиж научно-преподавательской деятельности повышался благодаря достижениям русских ученых, получивших широкое признание за границей, хотя этот род деятельности не приносил особых благ и не давал быстрой карьеры [17, с. 37].

Во многом негативное, скептическое отношение к творческим профессиям как к недворянскому делу сохранилось в среде консервативного поместного дворянства и в высшем обществе и после серии либеральных реформ [4, т. 1, с. 115, т. 2, с. 171; 8, с. 71-72, 192-193; 23, с. 220; 24, с. 117]. Например, актерский труд в помещичьей среде считался подлым занятием, не соответствующим дворянскому достоинству. В сознании традиционного общества как дворян, так и духовенства, актеры воспринимались как «почти черти, немного лучше»; их срамили [19, с. 317, 349, 359, 364; 20, с. 124-125, 160, 170-171, 173-174, 192-195, 261, 266; 30, с. 475, 481]. В то время как сам актер-дворянин мог не стыдиться своей деятельности, поскольку зарабатывал себе на жизнь «честным, тяжелым трудом» [19, с. 353].

Цель жизни просвещенного помещика – жить, трудясь на пользу общества и отечества, работать не «из одного хлеба», «чтоб не умереть с голоду», а в том, чтобы «обнаружиться, высказаться», – считалась высокой [5, с. 88, 90, 147; 7, с. 419; 9, с. 23]. Правда, А. Н. Энгельгардт указывал, что в пореформенное время умственный труд, который «прежде считали душевным, божественным», трудно поддающимся измерению, стали считать «физическим, мозговым трудом» [Цит. по: 32, с. 552]. Однако это не означает, что умственный труд нивелировали до ценности физического труда.

Даже в конце XIX в. мотивация занятия интеллектуальным трудом могла быть не только корпоративной, но и религиозной: «– Пойми ты, тупой человек, пойми, безмозглая голова, – ругал отец сына, – что у тебя, кроме грубой физической силы, есть еще дух Божий, святой огонь, который в высочайшей степени отличает тебя от осла или от гада и приближает к божеству! Этот огонь добывался тысячи лет лучшими из людей. Твой прадед Полознев, генерал, сражался при Бородине, дед твой был поэт, оратор и предводитель дворянства, дядя – педагог, наконец я, твой отец, – архитектор! Все Полозневы хранили святой огонь для того, чтобы ты погасил его!» [28, с. 114-115].

2. Физический труд

Барство являлось нормой. **Отрицательное отношение к труду (прежде всего физическому) российского дворянства** было следствием представления о благородстве: трудовая жизнь была несовместима с джентльменством, барин как благородный человек не должен был работать. Физический, ручной труд стоял на самой нижней ступени, он был закреплен за представителями низших сословий – простолюдинами –

и являлся маркером принадлежности к низкому сословию. Поэтому благородный человек презирал физический труд, так как, выполняя его, он унижал себя [3, с. 169, 171].

Трудовое воспитание не считалось дворянским, благородным: нельзя «из дворян делать мастеровых» [7, с. 397, 415]. Родители так воспитывали детей в 1830-1840-е гг., что сделать что-то самому, в том числе и одеться, считалось недостойным дворянина: «...принести ли что, сбегать ли за чем: ему иногда, как резвому мальчику, так и хочется броситься и переделать все самому, а тут вдруг отец и мать, да три тетки в пять голосов и закричат:

– Зачем? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вот я вас!..» [Там же, с. 385].

При этом нежелание лишний раз утруждать слуг воспринималось в дворянском кругу как девиантное поведение [10, с. 31].

В мемуарах первой половины XIX в. нам встретилось всего несколько цитат, свидетельствующих о религиозном трудовом воспитании детей поместного дворянства и о позитивном восприятии таких качеств, как трудолюбие и упорство. (Если в начале XIX в. положительная оценка трудолюбия и упорства как качеств, проявленных дворянами, исходила от автора-крепостной, что объясняло подобное отношение к труду автора, то в пореформенное время такое отношение характерно и для авторов-дворян, высоко оценивавших личный труд и приложенные усилия помещиков по восстановлению своего состояния [18, с. 57; 26, с. 529]). Так, умирающий разоренным набожный помещик Яблочков наказывал детям самим добывать себе состояние: «Я сам, – говаривал он им, – не получил состояния и вам не обязан его оставлять. Наследие отцов – честное имя, передаю вам незапятнанным. Об образовании вашем позаботился и трудиться вас научил, а дальше ваше дело, живите, как знаете, но помните одно: что посеете, то и пожнете» [12, с. 865]. Другой крупный помещик князь И. И. Барятинский пытался приучать детей к труду в целях нравственного развития: он устроил для дочерей «поэтические» хутора, где девушки заведовали садом, домиком и несколькими коровами элитных пород [11, с. 302].

Физический труд помещика в поле из бедности в первой половине XIX в. помещицей, получившей прекрасное светское воспитание, считался плебейством [16, с. 56]. Лично физически трудиться в огороде, саду или поле и подавать тем самым пример в работе своим крестьянам помещик мог только ради собственного удовольствия или здоровья, а не по необходимости, оскудению: «Возьми сам в руки топор или косу; это будет тебе в добро и полезней для твоего здоровья всяких Мариенбадов, медицинских муционов и вялых прогулок», – советовал Н. В. Гоголь в письме другу-помещику [6, с. 475-476; 22, с. 265; 28, с. 98]. Помещицы и молодые барышни также могли заниматься садом и огородом для удовольствия [8, с. 84, 199, 249, 500, 808; 21, с. 322].

В пореформенное время помещики, понимавшие, что в изменившихся условиях дворянского быта необходимо иначе воспитывать детей, приучали их к труду: «...ко всякому делу приступать сразу, не почесываться» [Цит. по: 33, с. 564]. Однако подобная практика не была массовой, хотя в этот период среди дворянской молодежи появились новые люди, которые свое будущее видели в труде, считая, что только «необычайный, непрерывный труд» мог «искупить» крепостническое прошлое сословия, его жизнь на чужой счет [29, с. 640, 645, 654]. Они не боялись физического труда и выбирали его по моральным соображениям, не желая заниматься хоть и интеллектуальным, но бессмысленным чиновничьим трудом, в то время как для старшего поколения физический труд продолжал оставаться недворянским делом. Такой «машинный», мнимый интеллектуальный труд презирался и рассматривался молодым поколением дворян как «обман» и «праздность» и ставился ниже физического труда, поскольку он не требовал «ни напряжения ума, ни таланта, ни личных способностей, ни творческого подъема духа» [28, с. 114-115]. Для молодого поколения дворянства была характерна тоска по тяжелой, рабочей жизни, в том числе и по физическому труду: «работать где-нибудь на заводе или в большой мастерской, говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать...» – и осознание незаслуженности собственного счастья, не оплаченного тяжелой работой [27, с. 129-130].

С другой стороны, и в пореформенное время физический труд по-прежнему презирался не только дворянством и интеллигенцией, но и другими представителями зажиточных слоев общества: труд «мол, черняди приличествует» [31, с. 351]. А. Н. Энгельгардт отмечал, что в России «мускульный труд считается позорным. Чуть человек вышел из мужиков – это уже барин или барышня, которые стыдятся работать. В Европе, а в особенности в Америке, человек образованный идет за плугом, косит, варит сыр, управляет машиной. А у нас это стыдно, это странно, это дело необразованного мужика. Какая-нибудь дьячковна, чуть ее отец набирал достаточно пятаков, стыдитесь доить коров. Я понимаю, что все это есть наследство прежнего времени, остаток барства. Но барству положен конец 19-го февраля 1861 г.» [Цит. по: 32, с. 525].

Физический труд даже в конце XIX в. не ценился высоко в России и считался городской дворянской интеллигенцией недостойным свободного человека [28, с. 149, 211-212]. Заниматься подобными видами деятельности, по мнению дворян, да и других сословий, – делать бесчестье своей семье, конфликтовать с нормами общества [25, с. 150-151; 28, с. 114, 126-127, 131, 137, 140]. По мнению дворян, баре не должны работать, поэтому помещики могли написать «донесение» на представителей интеллигенции, лично физически работавших в усадьбе [31, с. 329; 32, с. 527]. Таково же было и мнение крестьян, их реакция на работающих «по-мужицки» барчат – удивление [31, с. 330]. Таким образом, хотя отношение к физическому труду и изменилось в пореформенное время, оно не было однозначным не только в среде дворянства, но и дворянской молодежи.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Религия и экономическое обновление России // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. М., 1996.
2. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Повести и рассказы. М.: Правда, 1989.
3. Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 640 с.
4. Герцен А. И. Былое и думы. М.: Правда, 1983. Т. 1. Ч. 1-3. 448 с.; Т. 2. Ч. 4-5. 656 с.
5. Герцен А. И. Кто виноват? М.: Советская Россия, 1980. 208 с.
6. Гоголь Н. В. Драматические отрывки и отдельные сцены. Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. 568 с.
7. Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Обыкновенная история. Обломов. Письма столичного друга к провинциальному жениху. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. С. 273-680.
8. Гончаров И. А. Обрыв. М.: Правда, 1977. 846 с.
9. Гончаров И. А. Обыкновенная история. М.: Правда, 1980. 352 с.
10. Дружинин А. В. Полянка Сакс // Дружинин А. В. Полянка Сакс. Дневник. М.: Правда, 1989. С. 23-88.
11. Инсарский В. А. Из быта наших помещиков в 1840-1850 гг. // Русская старина. 1874. Т. 9. № 2. С. 301-317.
12. Карпинская Ю. Н. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1897. Т. 70. № 12. С. 853-870.
13. Коваль Т. Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. Т. 3. № 2.
14. Колесов В. Домострой без домостроевщины // Домострой. М., 1990.
15. Кудюкина М. М. Труд в системе ценностей русского народа // Русская история: проблемы менталитета: тезисы докладов научной конференции (г. Москва, 4-6 октября 1994 г.). М., 1994.
16. Лелонг А. К. Воспоминания Анны Козьминичны Лелонг // Русский архив. 1913. № 7. Кн. 2. С. 52-103.
17. Никс Н. Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX в.: социокультурный аспект: дисс. ... к.и.н. М.: МПГУ, 2004. 270 с.
18. Оболенский Д. Д. Наброски из воспоминаний кн. Д. Д. Оболенского // Русский архив. 1895. № 1. С. 42-65.
19. Островский А. Н. Лес // Островский А. Н. Пьесы. М.: Правда, 1979.
20. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Правда, 1988. Т. 6. С. 5-255.
21. Тимирязев Ф. И. Страницы прошлого // Русский архив. 1884. № 2. Кн. 1. С. 298-330.
22. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман: в 8-ми ч. Л.: Художественная литература, 1979. Ч. 1-4. 448 с.
23. Толстой Л. Н. Крейцерова соната // Толстой Л. Н. Повести и рассказы. М.: Московский рабочий, 1980. С. 170-237.
24. Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 3.
25. Тургенев И. С. Петушков // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 5.
26. Хрущова А. Г. Воспоминания крепостной старушки А. Г. Х. (записанные В. Н. Волоцкой) // Русский архив. 1901. Вып. 4. Кн. 1. С. 529-544.
27. Чехов А. П. Вишневый сад: комедия в четырех действиях // Чехов А. П. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2.
28. Чехов А. П. Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1983.
29. Чехов А. П. Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. Повести. Рассказы 1894-1903. Пьесы.
30. Чехов А. П. Чайка: комедия в четырех действиях // Чехов А. П. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2.
31. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999. 714 с.
32. Энгельгардт Н. А. Александр Николаевич Энгельгардт и батищевское дело (биографический очерк) // Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб., 1999. С. 510-557.
33. Энгельгардт Н. А. Эпизоды моей жизни: отрывки // Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб., 1999. С. 558-571.

**LABOUR ETHICS OF THE RUSSIAN LANDED GENTRY IN THE XIXTH CENTURY:
IDEAS ABOUT INTELLECTUAL AND PHYSICAL LABOUR
(BASING ON LITERARY WORKS AND MEMOIRISTICS)**

Smakhtina Marina Viktorovna, Ph. D. in History
Institute of Foreign Languages of Peoples' Friendship University of Russia
marinaya_sm@mail.ru

The Western European philosophical and economic rationalism and pragmatism gained ground as the elements of the Western European culture in Russia in the XIXth century, because of the lack of confessional economic tradition development – Orthodox secular labour ethics. The author, basing on the analysis of memoirs and fiction, considers such an aspect of the Russian landed gentry's labour ethics as class ideas about intellectual and physical labour and the dynamics of their changes during the XIXth century.

Key words and phrases: Orthodox economic tradition of rational housekeeping; Russian landed gentry of the XIXth century; organizational-economic activity in estate; secular labour ethics; ideas about intellectual and physical labour.